Лунный свет озарил лицо Линь Чжунтаня — бледное, точно свежевыпавший снег, под темными, четко очерченными бровями. Его неестественно длинные ресницы при каждом движении век отбрасывали густые тени, и теперь эти подернутые полумраком глаза неотрывно, ошеломленно смотрели на меня. Похоже, мои издевательские слова задели его за живое. Но прежде чем он успел что-либо сделать, за нашими спинами раздался голос:

— Братец, почему ты все еще не вернулся в свои покои?

Наследный принц подошел ко мне с легкой улыбкой. Скользнув мимолетным взглядом по колыхавшейся воде пруда с лотосами, он перевел взор на Линь Чжунтаня:

— Таньшэн, пора идти.

Линь Чжунтань продолжал смотреть на меня в упор. Я и раньше никогда не умел читать его взгляды, а теперь мне и вовсе было лень в них разбираться. Лишь когда Наследный принц поторопил его снова, он медленно отвел глаза и последовал за ним.

Перед тем как уйти, Наследный принц бросил мне:

— Братец, этот человек кажется мне знакомым. Не из семьи ли он Дуань? Слышал, люди из клана Дуань сейчас как раз заняты борьбой с наводнением.

Я еще долго стоял на месте, прежде чем глухо приказать:

— Вытащите его.

Дуань Синьтин умел держаться на воде, но мои слуги раз за разом безжалостно заталкивали его обратно в пруд. Сейчас, мокрый и жалкий, он едва дышал. Увидев, что я приближаюсь, он тут же рухнул на колени.

Нюси вырвал кляп у него изо рта. Дуань Синьтин дураком не был и сразу же взмолился:

— Я виноват! О том, что случилось сегодня ночью… клянусь, я никому ни слова не скажу!

— Надеюсь на это, — холодно обронил я.

Как только слуги отпустили его, Дуань Синьтин, шатаясь, вскочил на ноги и бросился наутек, даже не оборачиваясь. Глядя ему вслед, я вспомнил о Линь Чжунтане. В словах, которые Наследный принц обронил мне днем, скрывался еще один, тайный смысл: он недвусмысленно предупреждал меня не трогать Линь Чжунтаня.

Если я хочу покончить с Линь Чжунтанем, мне придется либо сначала убрать с дороги Наследного принца, либо вбить между ними клин.

Сейчас Император балует меня, но лишь из-за любви к моей матери, Благородной супруге Чжуан, — обычная слабость мужчины к любимой женщине и ее ребенку. С Наследным принцем все иначе. Его мать — Императрица, ее клан могущественен, а влияние принца при дворе безгранично. То, что в личных покоях я позволял себе помыкать им, заставляя пресмыкаться предо мной, словно послушная собака, сходило мне с рук только потому, что я искусно притворялся безумцем, да и происходило это всегда без свидетелей.

Но если дело дойдет до открытого противостояния, мне не победить, пока принц не совершит непоправимую, роковую ошибку.

— Кто здесь?! — вдруг рявкнул Нюси, резко повернувшись в сторону зарослей.

Я проследил за его взглядом и заметил Не Вэньлэ, укрывшегося под деревом неподалеку. Поняв, что обнаружен, тот нерешительно шагнул ко мне.

— Девятый принц, — тихо позвал он. — Вы в порядке?

Со мной-то что может быть не так? Странный вопрос.

Не удостоив его ответом, я спросил напрямую:

— Что ты только что видел?

Не Вэньлэ продолжал подходить ко мне. Я поморщился и сделал шаг назад. Заметив это, Нюси тут же заступил мне дорогу и преградил ему путь:

— Стой где стоишь!

Не Вэньлэ замер. Скользнув взглядом по широким плечам Нюси, он заговорил — в его голосе сквозило отчаянное желание угодить:

— Пожалуйста, не грустите. Я могу защитить вас, правда! Я защищу вас.

И почему он вечно лезет ко мне с этими нелепыми речами?

Я уже собирался прогнать его, как вдруг мне пришла в голову одна мысль:

— Ты ведь знаешь Дуань Синьтина?

Не Вэньлэ послушно кивнул.

— Если сравнить ваше происхождение… Твой клан ведь знатнее?

Он снова кивнул.

Пока я молча взвешивал его слова, Не Вэньлэ попытался сделать еще шаг ко мне. Нюси тут же перехватил его за плечо и ледяным тоном предупредил:

— Не смей приближаться!

Из-за спины слуги я пристально посмотрел на юношу, и детали мозаики наконец сложились в моей голове.

— Мне не нужны защитники, — ровно произнес я. — Мне нужны верные псы, готовые загрызть любого по моей команде. Если ты согласен на такую долю — возвращайся. Тогда я позволю тебе остаться подле меня.

***

— Цунси, сегодня вечером состоится пир в честь послов северных земель. Матушка специально велела швейному приказу сшить для тебя новое облачение. Надень, покажись.

Я переоделся и встал перед большим бронзовым зеркалом в полный рост, но смотреть на свое отражение мне не хотелось. Прежде я очень пекся о внешности, теперь же мне было все равно. Зато Благородная супруга Чжуан находила особое удовольствие в том, чтобы наряжать меня.

Странное дело: в здешних купальнях воду разбавляли парным молоком. К подобному баловству я уже привык и не видел смысла что-то менять.

Матушка встала позади меня и принялась собственноручно расчесывать мне волосы.

— Сегодня на пиру мой сын затмит всех, — ласково проговорила она.

Я хотел было возразить, что не желаю наряжаться так вычурно, но, встретившись взглядом с ее теплыми, сияющими глазами, промолчал. Я прекрасно понимал: прежний Девятый принц никогда не присутствовал на столь пышных приемах для иноземных гостей, и потому матушка так волновалась.

Немного поколебавшись, я осторожно перехватил ее за запястье:

— Пусть прической займутся служанки. Отдохни, матушка.

— Я вовсе не устала. Цунси, присядь, — мягко настояла она, усаживая меня обратно на банкетку. — Время торопит, нужно успеть все закончить.

Я лишь вздохнул. В конце концов, я ведь не девица, к чему эти хлопоты?

Императорским наложницам не дозволялось показываться чужеземцам, так что на прием мне пришлось отправиться в одиночку. Торжество проходило в Главном зале Фэнхуа. Изначально мое место определили рядом с Шестым принцем, но едва Император заметил мое появление, как тут же велел верному евнуху Фу переставить мой столик поближе к трону. По причуде судьбы я оказался прямо напротив Наследного принца.

Особого интереса к происходящему я не испытывал: сидел, опустив голову, и вяло ковырялся палочками в изысканных яствах.

— Ваше величество, ваша империя поистине благословлена небесами: земли ее бескрайни, а люди прекрасны и нежны, словно цветы. Позвольте узнать, сколько лет этой юной принцессе, что сидит подле вас? Обручена ли она?

По залу пронесся приглушенный ропот изумления. Я удивленно поднял глаза и обнаружил, что бесцеремонно поднявшийся со своего места северный посол уставился прямо на меня.

Всего от северных варваров прибыло четверо посланников: почтенный старец, двое мужчин зрелых лет и этот неотесанный юнец. Он был смуглолицым, широкоплечим, в традиционных северных одеждах, оставлявших одно плечо обнаженным. Заметив мой взгляд, варвар расплылся в широкой улыбке, сверкнув ровным рядом белых зубов.

Я нахмурился. Тотчас же сбоку раздался суровый голос одного из наших сановников:

— Достопочтенный гость столь молод, а уже страдает слабостью зрения? Перед вами не принцесса, а наш Девятый принц!

Юнец громогласно удивился:

— Не принцесса? Надо же, а лицом этот принц так похож на…

Закончить фразу ему не дали — сидевший рядом старец резко дернул его за рукав:

— Чатай, сядь!

Поднявшись, пожилой посол склонился в извинениях:

— Чатай вырос в бескрайних степях и не обучен тонкостям придворного этикета. Просим Его Величество проявить снисхождение. В знак извинения наши земли преподнесут Девятому принцу две тысячи голов отборных коров и три тысячи овец.

— Цунси, — негромко позвал Император. — Подойди ко мне.

Я еще не успел оправиться от столь неловкой путаницы, и щеки мои против воли горели румянцем. Когда я приблизился, Император ободряюще похлопал меня по плечу:

— Тебе и решать, заслуживают ли они прощения.

Услышав это, старец опустился предо мной на колени в глубоком поклоне. Хотя моя душа и переселилась в тело принца, я все еще не мог спокойно смотреть, как передо мной преклоняется старик. Глубокие морщины избороздили его лицо, голова была бела как лунь. Коснувшись лбом пола, он искренне произнес:

— Молю Девятого принца о великодушии к глупости Чатая.

Я повернулся к Императору и тихо сказал:

— Должно быть, в полумраке зала он просто обознался.

Главный зал Фэнхуа действительно тонул в колышущихся тенях от бесчисленных светильников, к тому же столик Чатая стоял довольно далеко.

— В таком случае, отец милует их ради твоего спокойствия, — кивнул Император и обратился к послу: — Встань, Гунъян Лю. И пусть подобное невежество более не повторится.

— Повинуюсь, Ваше Величество, — поспешно закивал Гунъян Лю.

Чатай попытался было помочь ему подняться, но старик сердито оттолкнул его руку и одарил юношу испепеляющим взглядом. Тот лишь смущенно потер нос и до конца вечера не проронил ни слова.

Мне стало любопытно: зачем северянам понадобилось брать с собой в посольство столь легкомысленного невежу? Ответ на этот вопрос я получил на следующий же день.

***

Выяснилось, что Чатай обладает нечеловеческой силой: он шутя натягивал тяжелейший лук в триста ланей и бил без промаха прямо в яблочко. Гунъян Лю, еще вчера лебезивший на пиру, сегодня с гордостью поглаживал бороду, и на его изрезанном морщинами лице играла самодовольная улыбка.

— Чатай — наш юный богатырь, еще не нюхавший пороху на полях сражений. Сегодня он смиренно просит дозволения сойтись в дружеском состязании с благородными мужами вашей великой империи.

Старый лис особо подчеркнул юность своего бойца, намекая: если против него выставят закаленного в боях воина Бэйской династии, победа окажется бесчестной.

Глядя на массивный лук Чатая, я невольно задумался: сумеет ли Линь Чжунтань одолеть его? Если он проиграет этому варвару, позор падет на всю нашу империю.

В последнее время государственные дела целиком поглотили Императора, так что ему было некогда проверять, как продвигается мое обучение стрельбе. Доклад об этом он поручил Наследному принцу. Именно поэтому Линь Чжунтань сегодня тоже присутствовал на состязаниях.

Он стоял подле принца. Поскольку юноша еще не прошел обряд совершеннолетия, его волосы не убирались под строгий нефритовый венец — половина иссиня-черных прядей свободно ниспадала на спину, а другая была изящно перехвачена шелковой лентой, расшитой золотом и нефритом.

Даже я, при всей своей неприязни, вынужден был признать: в тот день он являл собой живое воплощение благородства и безупречной мужской красоты, будучи чистым, точно драгоценный нефрит.

Его точеный профиль и благородная осанка невольно подчеркивали изнеженность и скрытое коварство в облике Наследного принца. На трибунах собралось немало знатных девиц; стыдливо прикрывая лица шелковыми веерами, они то и дело бросали на Линь Чжунтаня красноречивые взгляды.

Линь Чжунтань словно чувствовал направленное на него девичье внимание. Обычно холодный и безучастный, подобно заброшенному колодцу, теперь он казался на удивление благодушным: взгляд его потеплел, а на губах то и дело играла мягкая улыбка.

При каждом его мимолетном движении сидевшая рядом со мной Двенадцатая принцесса восторженно затаивала дыхание. Сунсун едва исполнилось четырнадцать — возраст, когда девичье сердце начинает трепетать при виде красивых юношей. Устроившись на трибуне подле меня, она во все глаза смотрела на Линь Чжунтаня.

Но простого созерцания ей было мало, и она, придвинувшись ближе, заговорщически

прошептала:

— Девятый брат, скажи, кто из здешних мужей кажется тебе самым статным?

Признавать превосходство Линь Чжунтаня мне отчаянно не хотелось, и я буркнул в ответ:

— Без понятия.

Сунсун такой ответ не устроил. Надув губы, она обиженно протянула:

— Брат, ты просто отмахиваешься от меня! Ты ведь даже не взглянул на них. Ну посмотри внимательнее, кто, по-твоему, здесь самый красивый?

Видя мое нежелание отвечать, принцесса принялась тормошить меня за рукав. В прошлой жизни я никогда не был близок со своими сестрами, а потому быстро сдался перед ее напором:

— Ладно, ладно, сейчас скажу.

Я нехотя окинул взглядом собравшихся внизу мужчин и с досадой осознал, что ни один из них не идет ни в какое сравнение с Линь Чжунтанем. Произносить имя своего врага я не собирался, поэтому отрезал:

— Ничего особенного. Все на одно лицо.

Принцесса даже раскраснелась от злости. Решив, что я над ней насмехаюсь, она вздернула подбородок и упорхнула к Второму принцу. Впрочем, долго ее обида не продлилась — вскоре она, словно ласковая кошка, бесшумно скользнула обратно на свое место.

— Так и быть, я прощаю тебя, брат, — примирительно прошептала она и вдруг обняла меня за руку.

Я оцепенел. Мне очень хотелось высвободиться, но принцесса была такой хрупкой и беззащитной, что я побоялся причинить ей боль резким движением.

— Такую глупость я готова спустить с рук только тебе, — защебетала Сунсун, прижимаясь к моему плечу. — Если бы это сказал Наследный принц, я бы с ним до вечера не разговаривала. Брат, ты знал, о чем шепчутся мои подруги? Они безумно завидуют тому, какие у меня статные и красивые братья!

Красивые братья?

Что ж, Наследного принца действительно можно было назвать привлекательным, хоть мне и претил его облик. Еще недурны собой были Второй, Пятый и Шестой принцы. На этом список заканчивался.

— Двенадцатая принцесса, — негромко позвал я, — не могла бы ты отпустить мой рукав?

— Как ты меня назвал? — Ее глаза мгновенно округлились, словно она была готова укусить меня за такую официальность.

Я поспешно исправился:

— Двенадцатая сестрица?

— И так мне не нравится! Звучит слишком напыщенно и отчужденно. Называй меня просто Сунсун, как делает Наследный принц.

Ну, это и понятно — ведь они рождены от одной матери.

Я вздохнул, не понимая, с чего вдруг эта капризная девчушка так привязалась ко мне. Поняв, что она не отступит, я тихо назвал ее по имени. Лишь тогда Сунсун удовлетворенно кивнула, отпустила мою руку и принялась за сладости. Глядя, как она уплетает пирожное, смешно раздувая щеки, я невольно улыбнулся — дитя, чистое дитя.

Тем временем внизу началось состязание.

Чатай делом доказал, что не зря носит звание лучшего воина северных степей. Его мастерство верховой езды и владение оружием поражали. Наша сторона выставила против троих северян троих своих наездников, но едва состязание началось, как Чатай мощным ударом ноги выбил из седла одного из молодых бэйских вельмож.

— Это же против правил! — возмутилась Сунсун, в гневе выщипывая пух из своего великолепного Веера с зелёным жемчугом и перьями.

Конечно, это было грубым нарушением. Падение на полном скаку грозило тяжелыми увечьями, несчастного и вовсе могли затоптать копыта. Однако никто из судей не выразил протеста: судя по всему, северные варвары не впервые прибегали к столь грязным приемам.

Сбив противника, Чатай окончательно обнаглел. Пришпорив коня, он промчался мимо трибун, издав оглушительный, свистящий свист.

Сунсун поспешно спрятала лицо за перьями:

— Мерзкое чудище, не смей на меня пялиться!

В следующее мгновение она протянула руку и закрыла веером мое лицо:

— И на Девятого брата тоже не смотри!

Я не сдержал улыбки:

— К чему ему смотреть на меня? Я ведь мужчина. Закройся сама.

— Все равно нельзя! Его поганый взгляд осквернит твое лицо! — упрямо возразила сестрица и вдруг восторженно закричала: — Таньшэн! Он попал!

Я мягко отвел ее руку с веером и устремил взор на поле. Линь Чжунтань, облаченный в белоснежное одеяние с алой каймой, смотрел прямо на нашу трибуну. Мое лицо мгновенно заледенело. Перехватив у принцессы веерок, я наглухо закрылся им от его взгляда.

Сунсун даже не заметила, что лишилась веера. Подавшись вперед, она завороженно следила за состязанием. Но вдруг с силой ударила кулачком по столу:

— Ах ты негодяй! Он расколол стрелу Таньшэня!

Вне себя от ярости, она схватила со стола два пирожных и сердито засунула их в рот.

Слушая ее гневные возгласы, я не выдержал и опустил веер. На арене остались лишь двое — Чатай и Линь Чжунтань; остальные участники выбыли из-за падений. Лениво придерживая поводья одной рукой, северянин высокомерно выкрикнул:

— Может, великая империя выставит против меня своих прославленных генералов? А то эти мальчишки слишком скучны. Сколько там еще осталось времени?

Ароматическая палочка, отмеряющая время состязания, почти догорела.

В самом центре мишени красовалась стрела Чатая.

Мы проигрывали.

Я до боли сжал в пальцах Веер с зелёным жемчугом и перьями. Как бы сильно я ни ненавидел Линь Чжунтаня, сейчас на кону стояла честь Бэйской династии, и я не желал нашей стране позора.

Но Линь Чжунтань остался невозмутим. Проигнорировав издевку, он плавным движением выхватил из колчана сразу три стрелы. Спустив тетиву, он отправил их в полет одновременно. Первая стрела с сухим треском расщепила древко стрелы Чатая, засевшей в мишени. Вторая и третья вонзились следом, раскалывая предыдущую вдоль древка.

Лицо Чатая потемнело. Он лихорадочно вскинул лук и пустил ответную стрелу, но не успела она достичь мишени, как была сбита в полете встречным выстрелом. Снаряды с глухим стуком переломились пополам и рухнули в пыль.

— Бэйская династия одержала победу!

— Бэйская династия победила!

С трибун лавиной хлынули ликующие возгласы.

Линь Чжунтань даже не взглянул на толпу, устремившуюся к нему с поздравлениями. Его взор вновь обратился к императорской ложе. Сунсун восторженно вздохнула:

— Таньшэн… Он улыбается! — Она затрясла за плечо перепуганную служанку: — Смотри же, он ведь мне улыбается, правда?

Но в то же мгновение Чатай с перекошенным от ярости лицом вскинул лук и навел его прямо на Линь Чжунтаня.

А у того не осталось ни одной стрелы — последнюю он только что потратил, чтобы сбить выстрел варвара.

http://bllate.org/book/34746/4665708